

ТУРГЕНЕВ

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПАРИЖЕ 1848 г.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ П. А. ВАСИЛЬЧИКОВА,
1853—1854 гг.

Публикация Л. М. Долотовой

Имя Петра Алексеевича *Васильчикова* (1829—1898) в литературе о Тургеневе почти не встречается. Известно только одно упоминание о нем самого писателя. В письме к Е. А. Черкасской (рожд. Васильчиковой) от 13/25 марта 1858 г. из Пизы, осведомляясь о ее родных и общих римских знакомых, Тургенев спохватывается: «... я только сейчас вспомнил, что другой ваш брат, Петр, с вами. Пожалуйста, пожмите ему крепко руку от меня. Жалко очень, что я его дождаться не мог.— Авось мы все увидимся летом».

Сын сенатора А. В. Васильчикова, П. А. Васильчиков в 70-е годы был уполномоченным Общества попечения о раненых и больных воинах, а затем занимал пост председателя Общества «Красного креста» в Черногории¹; при дворе он состоял гофмейстером. Основные сведения о более раннем периоде жизни Васильчикова содержатся в некрологе его матери, написанном его университетским товарищем П. И. Бартеневым². Из некролога видно, что Васильчиков с детства воспитывался в сфере, не чуждой литературных и художественных интересов. Мать его была связана личной дружбой с Крыловым, Карамзиным и Жуковским. В 1831 г. в доме Васильчиковых жил, в качестве учителя их старшего сына Василия, Гоголь, который и позднее посещал их дом. Младший брат П. А. Васильчикова Александр Алексеевич был известен впоследствии как искусствовед, историк и директор Эрмитажа.

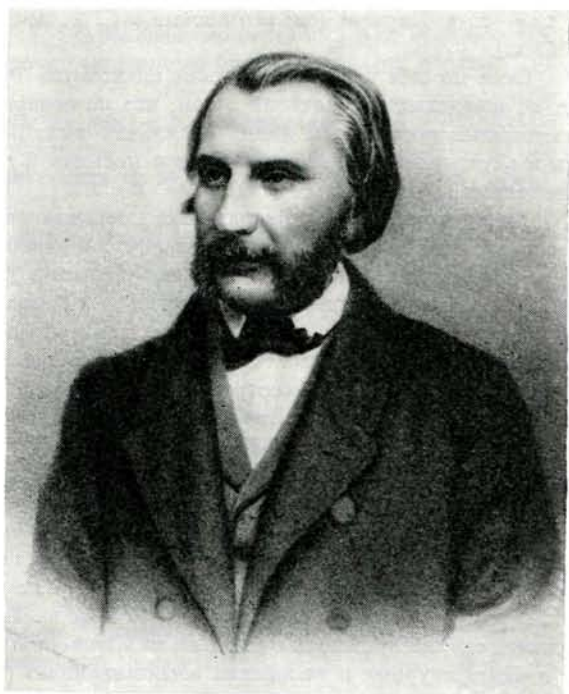
Окончив в 1847 г. 1-ю Московскую гимназию, Васильчиков поступил на филологический факультет Московского университета. С конца 1851 г. он поселился в Петербурге, где служил в 1853—1854 гг. чиновником в губернском правлении³, а в 1855 г. был ротным командиром в 1-й дружине ополчения. Васильчиков и на службе не утратил прежних филологических интересов: он стремился всячески помогать Бартевеву в его архивных разысканиях, в письмах к нему сообщал о петербургских частных собраниях рукописей⁴. В Петербурге Васильчиков, благодаря широким родственным связям, был постоянным посетителем известнейших литературных салонов. По линии матери, урожденной Архаровой, Васильчиков приходился двоюродным братом В. А. Соллогубу, женатому с 1840 г. на дочери Михаила Юрьевича Виельгорского. В доме последнего, где Васильчиков постоянно проводил вечера, он чаще всего и встречался с Тургеневым.

С братом Мих. Ю. Виельгорского Матвеем Юрьевичем Тургенев сблизился еще в театральном сезоне 1843/44 г., когда они оказались в одном кругу русских поклонников таланта Полины Виардо. Тогда же, очевидно, Тургенев познакомился и с Михаилом Юрьевичем Виельгорским, хозяином известного в Петербурге 1830—1850-х гг. литературно-музыкального салона, организатором концертов, композитором-дилетантом и меценатом.

ТУРГЕНЕВ

Литография М. Барышева, 1858.
С фотографии С. Л. Левицкого, 1856

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Современники Мих. Ю. Виельгорского отмечают широту его интересов, простоту в обращении и добродушие; именно он в 1842 г., используя свое положение при дворе и связи, помог Герцену получить разрешение на возвращение из новгородской ссылки: «Все сделано графом Виельгорским. Недаром он магнетически как-то понравился мне при первой встрече», — записал Герцен в дневнике 9 июля 1842 г.⁵

В. А. Соллогуб очертил довольно пестрый круг лиц, являвшихся в гостеприимный дом его тестя: «... раза два, три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры, и начинающие карьеру газетчики (что в те времена было нелегкой задачей), и даже просто всякого рода неизвестные людишки». Присутствие в доме Виельгорского Соллогуба (он занимал с женой отдельную половину) значительно расширяло рамки салона за счет литературных связей писателя. «У меня в то время собирались все тузы русской литературы», — вспоминает Соллогуб и называет имена Тютчева, Вяземского, Гоголя, В. Ф. Одоевского, Некрасова, И. И. Панаева, Бенедиктова, Писемского. «Изредка в зверинце появлялась высокая фигура молодого Тургенева»⁶.

Д. В. Григорович также вспоминает о литературных чтениях, происходивших в доме Виельгорских: «Стоило явиться молодому даровитому писателю, граф Соллогуб не давал ему покоя, пока не приведет его в гостиную графа Виельгорского; явится ли новое выдающееся произведение, граф Соллогуб спешил познакомить с ним общество и с этой целью собирал у тестя избранный кружок слушателей. Чтец он был превосходный: редкий автор, читая свое произведение, мог выразить все тонкости, подчеркнуть с таким искусством счастливые места и мысли, как делал это граф Соллогуб. Таким образом читал он, между прочим, комедию Островского „Банкрот“ („Свои люди — сочтемся“) до появления ее в печати»⁷. Кроме Соллогуба, в доме Мих. Ю. Виельгорского жил А. В. Веневитинов (брат поэта), женатый с 1843 г. на его дочери; с ним Тургенев и позднее поддерживал дружеские отношения (см. его письмо к А. В. Веневитинову от 20 июля/1 августа 1856 г.). Васильчиков виделся с Тургеневым также в доме своих дальних родственников, князей Васильчиковых; с одним из них, Александром Илларионовичем, земским деятелем и публицистом, Тургенев встречался

в 1856 г. в Париже (см. его письмо к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856/8 января 1857 г.).

Сами по себе эти петербургские знакомства Тургенева — факт, известный в науке, но определенных сведений о том, что по возвращении из спасской ссылки он был постоянным посетителем домов Васильчиковых, Веневитиновых и Виельгорских, нет ни в «Летописи» М. К. Клемана, ни в письмах Тургенева этой поры, очень немногочисленных, впрочем.

Дневниковые записи Васильчикова освещают период в жизни Тургенева, начиная с возвращения его из ссылки в Петербург 9 декабря 1853 г. и кончая июнем 1854 г. (в начале августа 1854 г. Васильчиков уезжает в Москву). Из первой дневниковой записи о Тургеневе видно, что он посетил дом Виельгорских сразу же по приезде в Петербург, 9 декабря 1853 г.⁸ Трудно сказать с определенностью, был ли до этого знаком Васильчиков с Тургеневым или увидел его впервые. Возможно, что они встречались и раньше, так как с сестрой Васильчикова, Екатериной Алексеевной, женой В. А. Черкаского, Тургенев был знаком еще в 1845 г. (см. его письмо к Е. А. Карлгоф от 24 ноября/6 декабря 1845 г.).

Содержание первой беседы Тургенева у Виельгорских естественно определяется обстоятельствами его жизни и творческими интересами в 1852—1853 гг. Тургенев говорит прежде всего о причинах своей ссылки — ему важно оправдаться совершенной «невинностью» если не своих поступков, то образа мыслей; пересказ Васильчикова в основных фактах совпадает со страницами «Литературных и житейских воспоминаний», касающимися статьи Тургенева о Гоголе. Естественно, что объяснение обстоятельств ссылки лишено даже намек на «Записки охотника», отсутствующего, впрочем, и в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869); указание на появление в печати отдельного издания «Записок охотника» как на действительную причину ссылки появилось только в тургеневской автобиографии 1875 г.

В этот же вечер 9 декабря у Виельгорских беседа касается двух тем, характерных для автора «Записок охотника». Тургенев делится с собравшимися своими наблюдениями над русским крестьянином, пополнившимися во время жизни писателя в Спаском-Лутовинове; запись раскрывает редкую, даже для Тургенева, степень остроты восприятия природы.

Все последующие дневниковые записи от декабря 1853 г. и первого полугодия 1854 г. говорят о частых встречах Васильчикова с Тургеневым. В дневнике приводятся критические замечания Тургенева о литературных явлениях, из которых заслуживает особого внимания его отзыв о Гоголе. Встречаются беглые автооценки Тургенева, упоминания о чтении им своих произведений. Дневник Васильчикова помогает также полнее очертить круг знакомств Тургенева в 50-е годы и уточнить ряд моментов его биографии. Но главный интерес для исследователя тургеневского творчества представляют сделанные Васильчиковым записи рассказов Тургенева о Французской революции, свидетелем которой он был в июньские дни 1848 г. в Париже. Этих записей три: от 3—5, 15—17 и 18—23 февраля 1854 г. При чтении их сразу же бросается в глаза то, что в совокупности они составляют канву мемуарного рассказа Тургенева «Наши послали!», опубликованного впервые в «Неделе», 1874, № 12, 24 марта и включенного Тургеневым в том же году в цикл «Литературные и житейские воспоминания» (Сочинения И. С. Тургенева (1844—1874). М., изд. бр. Салаевых, 1874, ч. 1, стр. 104—114). Рассказ был написан Тургеневым в четыре дня: автограф его, хранящийся в парижском архиве писателя, имеет авторскую помету: «Начат в Париже, *rue de Douai*, 48, в пятницу 20-го марта 1874 в двен<адцать> час<ов> дня. Кончен там же в понедельник 23-го марта 1874 в 1/4 6-го веч<ера>»⁹. Эта авторская дата, а также отсутствие каких-либо предварительных набросков говорит о том, что создание рассказа «Наши послали!» было отделено от описываемых в нем событий промежутком в 26 лет.

Рассказы Тургенева, записанные Васильчиковым, на двадцать лет предваряют создание мемуарного очерка. Естественно возникает вопрос: что Тургенев отобрал из своих воспоминаний для рассказа, не получили ли в позднейшем изложении те же факты иной интерпретации, не было ли попросту что-то забыто за два десятилетия?

О стремлении Тургенева с предельной точностью воскресить события июньских дней в Париже говорит его разговор с Н. А. Островской, приведенный в ее воспоминаниях:

«Мне хотелось бы, чтобы вы прочли маленькую брошюрку: „Они послали“.

— Да мы читали.

— Читали?! Она интересна именно тем, что я рассказал в ней действительное происшествие, — происшествие удивительное.

— Да, — сказала я, — тут удивительно не то, что этот рабочий сказал, а то, что они вспомнили его послать.

— Конечно. И заметьте, что я нисколько не прикрасил и ничего не прибавил»¹⁰.

Рассказ «Наши послали!» недаром снабжен подзаголовком «Эпизод из истории июньских дней 1848 г. в Париже». Тургенев действительно стремится воссоздать историческую картину, употребляя для этого сдержанную и документально точную манеру изложения.

«Февральские и июньские дни 1848 года застали его еще в Париже, — писал П. В. Анненков, сам очевидец революции 1848 года, — и при этом нельзя не сказать о замечательной его способности подмечать характерные общественные явления, мелькавшие у него перед глазами, и делать из них картины, вылающие дух и физиономию данного момента с поразительной верностью» (Анненков 1960, стр. 396). Можно удивляться памяти художника, в которой так надолго запечатлелись все конкретные детали событий, лица, фразы, — и все же в фактической канве рассказа есть существенные отличия от воспоминаний Тургенева, записанных Васильчиковым в феврале 1854 г. Краткая оценка событий 15 мая, данная в начале записи от 3 февраля 1854 г., совпадает с письмом Тургенева к П. Виардо, озаглавленным: «Точный отчет о том, что я видел в понедельник 15 мая (1848)». И там и здесь звучит мысль о роли случайности в исторических потрясениях, о непредвиденности их. Развернутая далее панорама Парижа в июньские дни аналогична той, что дана в рассказе «Наши послали!». Атмосфера назревавшего восстания, известие о его начале, полученное от прачки, картина парижских улиц, «веселость и беззаботность» толпы, несмотря на предгрозовую воздух, — всё это моменты совпадения, иногда текстуального, дневниковой записи и рассказа. Следующие затем в рассказе две картины — описание баррикады и появления колонны национальной гвардии — в дневниковой записи переданы очень кратко. Зато здесь зафиксированы эпизоды, совершенно отсутствующие в рассказе, — о поисках Тургеневым доктора для раненого и о хождениях его по улицам Парижа меж баррикадами, по другую сторону Сены. Вместо всего этого в рассказе «Наши послали!» стоит только одна фраза: «Мне не приходилось драться ни по ту, ни по сю сторону баррикад; я вернулся домой». Существенные отличия имеются и в описании последующих июньских дней. Мучительность безвыходного положения во время массовых расстрелов восставших, постоянные попытки Тургенева получить новые сведения о происходящем, его столкновение с караульным офицером и домашний арест — все это передано в дневниковой записи подробнее и динамичнее. Зрелище предместья св. Антония, мучения пленных в подземельях Тюильрийского дворца, рассказ военного хирурга о расправе с восставшими в улице Culture St. Jean — все эти драматические картины говорят о том, с какой силой запечатлелись в сознании Тургенева июньские дни.

Запись от 15 февраля 1854 г. передает, собственно, только сюжетную канву части рассказа «Наши послали!», связанной с Гервегом, и почти лишена тех деталей, из которых создается в рассказе мрачный и величавый образ старика-посланца; но она подтверждает лишний раз строгое следование жизненной правде в рассказе Тургенева.

Что касается последней дневниковой записи об июньских событиях, датированной 18—23 февраля, трудно определить, в какой из этих дней было сообщено Тургеневым зафиксированное здесь; запись носит характер итоговой, и рассказанное самим Тургеневым перемежается в ней с суждениями Васильчикова и других лиц. Так, предсказание секретаря французской миссии относительно шансов Кавеньяка во время выборов 10 декабря 1854 г., очевидно, припомнил кто-то из присутствовавших у Виельгорских, а отнюдь не сам Тургенев. Но несомненно, что уничтожающая характеристика Луи

Наполеона и средств, с помощью которых он шел к власти, принадлежит самому Тургеневу. Сценка, которой кончается запись, живо рисует, также со слов Тургенева, образ Герцена и его реакцию на события в Париже.

Из воспоминаний Е. М. Феоктистова было известно, какое значение имели рассказы Тургенева — очевидца событий революции 1848 года — для круга Грановского: «В 1850 году впервые я увидел И. С. Тургенева — у графини Салиас, к которой привез его В. П. Боткин. Он только что вернулся из-за границы, где был свидетелем Февральской революции и последовавших за нею событий. Можно себе представить, как были интересны его рассказы особенно для людей, примыкавших к кружку Грановского, — для людей, которые с горячим участием относились ко всему, что происходило тогда во Франции и отражалось в Европе»¹¹. Дневниковые записи Васильчикова говорят о том, что и в начале 1854 г., после ссылки, Тургенев вновь и вновь возвращался в своих устных рассказах к впечатлениям об июньских днях 1848 г. в Париже. Васильчиковы, Барановы, Виельгорские и Веневитиновы были для него гораздо менее близкой средой, чем окружение Грановского, но потребность высказаться, при невозможности писать, заставляла его искать слушателей. Разумеется, у Тургенева не могло быть в то время замысла рассказа «Наши послали!», так как в 1854 г. нечего было и думать о том, чтобы написать и напечатать очерк о событиях революции 1848 года. Но художественная ткань повествования была уже сплетена. Не отрывочные воспоминания и беглые оценки, а картину июньских дней рисовал Тургенев своим слушателям в 1854 г. — он рассказывал так, как уже тогда мог бы написать.

Записи Васильчикова отличаются большой степенью достоверности. Это определяется прежде всего их характером — дневник ведется для себя, поэтому Васильчиков бесхитростно записывает все, что удержалось в памяти; кроме того, дневник заполняется по свежим следам, большей частью на следующий день после встречи с Тургеневым. Записям Васильчикова свойственна некоторая стилистическая шероховатость, но она лишней раз говорит о добросовестности автора дневника и его стремлении передать без собственных «красот стиля» живую разговорную речь Тургенева. Вместе с тем, необходимо помнить, что это запись устной речи Тургенева, сделанная другим лицом. Ничего не добавляя, Васильчиков мог что-то опустить, сократить пересказ из-за спешки (так, явно скомкана запись рассказа Тургенева в части, касающейся Гервега). Кроме того, Тургенев обращался к определенной аудитории, что диктовало рассказчику меру раскрытия самых глубоких вопросов, связанных для него с революцией 1848 года. Все это несколько суживает рамки сравнения дневниковой записи с рассказом «Наши послали!», которое, однако, напрашивается само собой.

Рассказ «Наши послали!» обнаруживает, при сравнении с дневниковой записью, отбор жизненного материала и вместе с тем насыщение ткани повествования художественными деталями, лепку отдельных образов, поразивших сознание писателя, таких, как блузники на батарее и «высокая, черноволосая женщина», «подпоясанная португеей с заткнутым пистолетом». Мастерские средства найдены были впоследствии Тургеневым в рассказе для описания отряда национальной гвардии — «медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный черный червяк, показалась» «колонна гражданского войска»; с той же словесной емкостью и точностью передает Тургенев впечатление от внезапного залпа — «вдруг, над самой моей головой, что-то нестерпимо сильно затрещало и рывнуло — точно мгновенно разорванный громадный холст». Диалог, почти отсутствующий в дневниковой записи, становится в рассказе одним из основных средств характеристики повстанца, пришедшего к Гервегу.

Основное же отличие заключается в том, что в рассказе, по сравнению с дневниковой записью, сглажены следы активного отношения автора к происходящим событиям. Тургенев, как он предстает перед нами в дневниковой записи, полон жадного стремления увидеть своими глазами все, что совершается в Париже; он бежит за доктором для раненого и спешит перебраться на ту сторону Сены, в кварталы Парижа, занятые восставшими, — «сопереживание» присуще ему в высшей мере. Вряд ли Тургенев, передавая в 1854 г. свои впечатления об июньских днях, намеренно сообщил устному изложению личный характер для придания ему большей достоверности. Скорее можно полагать, что двадцать лет спустя, при написании «Наши послали!» Тургенев сгладил

авторское активное отношение к происходящему. Недаром он объединяет себя с «пятью, шестью такими же фланерами» — автор рассказа предстает перед нами гораздо более нейтральным наблюдателем, чем это было на самом деле.

Трудно сказать с уверенностью, что именно определило сдержанный тон тургеневского рассказа. К этому было, вероятно, много причин. Сыграла свою роль давняя опаска Тургенева быть принятым за участника тех событий, свидетелем которых он оказался. «Говорили, что он был сослан за то, что находился в Париже во время июньских дней 1848 года. Тогда были большие строгости», — пишет Н. А. Тучкова-Огарева о слухах по поводу ссылки Тургенева в Спасское (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания М., 1959, стр. 283). Сковывала и невозможность открытого упоминания о Герцене, своих дружеских отношениях с ним и отдельных точках соприкосновения во взглядах, о чем Герцен писал московским друзьям 2 августа/21 июля 1848 г. из Парижа: «...Тургенев Иван Сергеевич <...> правственно он чрезвычайно развит, и я им доволен с своей стороны» (Герцен АН, т. XXIII, стр. 82). Тон повествования в очерке «Наши послали!» определяется не только общей творческой манерой Тургенева, но и специфическими, совершенно не изученными принципами отбора жизненного материала для «Литературных и житейских воспоминаний». Как бы то ни было, дневниковые записи Васильчикова вскрывают более ранний пласт жизненных впечатлений Тургенева, чем это отложилось в его художественном творчестве, они помогают уяснить значение революции 1848 года для идейного развития писателя, и в этом заключается их ценность для нас.

Дневник П. А. Васильчикова, отрывки из которого публикуются ниже, представляет собою две объемистые переплетенные тетради. Он начинается записью от 27 ноября ст. ст. 1853 г. и регулярно заполняется в течение года; в дальнейшем записи следуют с перерывами и обрываются на 1865 году. Помимо литературных и театральных впечатлений много места в дневнике Васильчикова занимают рассказы современников о декабристах, фактические сведения о подготовке крестьянской реформы, характеристика военных действий России и описание смерти Николая I. Кроме собственно дневниковых записей, в первой тетради имеется список знакомых Васильчикова, а вторая тетрадь частично носит характер альбома стихотворений, переписанных разными лицами, в обеих тетрадях есть также записи хозяйственных расходов. Почерк Васильчикова от года к году становится все более неразборчивым и в конце дневника уже не поддается прочтению — записи приобретают вид однообразных волнистых линий.

Помимо публикуемых нами ниже записей Васильчикова о разговорах и рассказах Тургенева, среди них имеются строки просто регистрирующие встречи с писателем. Приводим их здесь в хронологическом порядке как материал для «Летописи жизни и творчества Тургенева»:

31 декабря 1853 г. «Я вчера вечером сидел у Лонгиновых, которых отец недавно умер, там были между прочим Эммануил Нарышкин ¹², Тургенев, Панаев».

26 января 1854 г. «Вчера у нас была небольшая вечеринка, два брата Лонгинова, Тургенев, кн. Мещерская (Оболенская) ¹³ и М. Рябинин» ¹⁴.

29, 30 января 1854 г. «Вчера у нас обедали Тургенев и М. Рябинин».

1, 2 февраля 1854 г. «Воскресенье (31) мы провели вечер дома: у нас были И. Тургенев, Ю. Толстой ¹⁵, Д. Лонгинов ¹⁶ и М. Рябинин».

6 февраля <1854 г.> «Вчера я обедал дома, вечером был у Виельгорских и оттуда с Тургеневым поехал к М. Лонгинову».

6 июня 1854 г. «Я остаюсь в Петергофе у Тургенева».

Выдержки из дневника публикуются по автографу (ЛБ, ф. 45, п. I, ед. хр. 2; п. II, ед. хр. 3).

10 декабря 1853 г. Вчера у Виельгорских я с большою радостью встретил И. С. Тургенева, только что воротившегося в Петербург. Он пострадал совершенно невинно. После смерти Гоголя энтузиазм, возбужденный им в Москве, почести, с которыми он был похоронен, должны были неприятно отозваться во многих тут. Между прочим, здешний попечитель, Мусин-Пушкин, отзывавшийся о Гоголе как о лакейском писателе, запретил о нем писать¹⁷. Тургенев хотел было тут напечатать весьма невинную статью о Гоголе, но ему запретили. Тургенев послал это письмо в Москву, к Боткину, даже не с намерением ее напечатать, хотя и тут бы не было ничего ни предосудительного, ни противузаконного. Назимов захотел, чтоб ее поместили в «Московских ведомостях». Мусин-Пушкин представил это государю, в самом дурном виде, и Тургенева посадили в 1-ю Адмиралтейскую часть; там он просидел более месяца, в тесной комнатке квартального; к нему даже никого не пускали; потом его послали на жительство в деревню, где он оставался почти два года. Напрасно просили о нем наследник, Назимов и многие другие знавшие и любившие его; государь отвечал на все ходатайства: пускай еще посидит¹⁸.

Тургенев, конечно, один из самых милых людей, которых я когда-либо встречал; какая у него должна быть душа, как он сочувствует природе: я помню один вчерашний рассказ, который на меня произвел большое впечатление, может быть отчасти благодаря его фантастическому характеру. Он говорил о том, как он сочувствует природе, как, когда он созерцает ее, им часто овладевает восторг и как, если он предается этому восторгу, им овладевает потом какое-то сладостное чувство, душа поет, что-то как будто сосет сердце. Он говорил, что он раз прошедшую осень совершенно предался этому чувству и что оно усилилось в нем до такой степени, что он вошел в какое-то странное состояние. Ему показалось, будто все его окружающее, деревья, растения — все силилось говорить ему и не могло, все, казалось, хотело сказать ему что-то и давало как-то ему почувствовать, что оно связано. Перед ним стояла небольшая красивая береза. «Мне показалось, не знаю почему, — продолжал он, — что она была женского рода; я сказал внутренно: я знаю, что ты женщина, говори; и в ту же минуту один сук березы медленно, как будто с грустью, опустился. Волосы стали у меня дыбом от испуга, и я бежал опрометью...»

Много было говорено тоже о русском крестьянине, и между прочим Тургенев замечал, до какой степени, несмотря на его необразованность, до какой степени его трудно разобрать, до какой степени он многосложен; до какой степени все систематическое мало может служить к пониманию или к пользе русского человека. Говорили и о том, как сильна в нем религиозная сторона; а от этого, разумеется, разговор перешел к раскольникам, к их характеру, к их большому количеству и распространению, которому иногда способствует и само государство: так в Ярославле попытка основать единоверческую церковь для уменьшения раскола повела только к большему его распространению...

15 декабря 1853 г. Виельгорский мне рассказывал, как он присутствовал у Волконского при первом чтении «Ревизора»¹⁹. Пушкин присутствовал. Все были в восхищении. Михаил Юрьевич Виельгорский и князь Вяземский (Петр) одни позволили себе некоторые замечания.

18 декабря 1853 г. Когда французы были в Москве, устроена была тайная комиссия для переноса и сохранения бумаг и драгоценностей и т. п.: боялись, чтобы французы не вошли в Петербург <...>, боялись тоже и за памятник Петру Великому и думали о средствах его скрыть и перенести. В то время именно доложили один раз А. Н. Голицыну²⁰, что отставной капитан Булгаков желает его видеть. Входит старик на деревянной

ноге и на костылях и говорит, что он видел странный сон и что он просит передать его государю. Ему снилось, что он шел по Дворцовой площади. Когда он подошел к углу Миллионной, он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню. Он обернулся и увидел за собою памятник Петра Великого, идущий за ним; в испуге он снял картуз и посторонился, памятник поглядел на него пристально и поехал мимо. Булгаков, влекомый какой-то неведомой силой, пошел за ним. Петр Великий переехал через Троицкий мост и поехал к Каменному острову, где жил тогда император перед отъездом в армию. Петр Великий подъехал к крыльцу, в это время император выходит из дворца в полном мундире и, скрестя руки, подходит к Петру Великому, который сказал ему: «Молодой человек, отчего подверг ты Россию таким опасностям. За Петербург бояться нечего; он будет безопасен, пока я буду стоять на том месте, где я теперь нахожусь». Сказав это, Петр Великий повернул лошадь и поскакал назад. Император закричал: «Коляску, коляску!», и Булгаков проснулся. Замечательно то, что Булгаков не знал и не мог знать про тайную комиссию и особенно про намерение насчет памятника Петру Великому. А. Н. Голицын рассказал это государю, и памятник Петру Великому был оставлен в покое как по тяжести переноски, так и потому, что на этот сон смотрели как на предзнаменование, памятника не трогали. А. Н. Голицын рассказывал это Мих. Ю. Виельгорскому. Виельгорский рассказал это Пушкину, на которого этот рассказ сделал большое впечатление и который вследствие оного написал «Медного всадника».

25—26 декабря 1853 г. 24-го я был поутру у Тургенева: каждый раз, как я бываю у этого человека, я его больше люблю, он мне больше нравится.

27—29 декабря 1853 г. Как нарочно, я после театра встретил у Веневитиновых Тургенева²¹; мы разговаривали о поэзии, и Тургенев и я читали попеременно вслух стихи, именно, сколько я помню, «Восточные стихотворения» Пушкина²² и его «Отрывок»²³; последнее стихотворение уже давно мне нравилось; оно производило всегда на меня при чтении какое-то непонятно тягостное чувство. Тургенев говорит, что Пушкин выразил в этой поэме дар пророчества!

30 декабря 1853 г. Тургенев выразил, мне кажется, довольно верную мысль, именно ту, что Гоголь есть произведение в некотором отношении Петра I; потому что самые характеры, которые живут в его повестях, могут только быть произведением того насильственного перелома, который Петр I произвел в России, потому что, может быть, гоголевское направление в литературе есть бессознательно противодействие всему дурному, принесенному без сомнения благодетельною реформою Петра²⁴. Баранов говорил мне на днях, что жгут «Мертвые души» (I часть), дай бог, чтобы это было неправда; это было бы самоубийство. Дубельт, говорят, до того яростен против памяти Гоголя, что не может даже равнодушно говорить о ней: странно, ведь, кажется, только в «Ревизоре» Гоголь выводит на сцену жандарма, и то роль его, кажется, довольно прилична <...>.

Сегодня я с Милутиным говорил о записках императрицы Екатерины: на свете существует только 3 или 4 экземпляра: один у государя, другой у кн. Воронцова, третий в Москве, писанный рукою Пушкина²⁵ <...>

Впрочем, цензорам трудно и не быть строгим: кн. Львов потерял место цензора (место нарочно сделанное теперь очень выгодным) за то, что пропустил «Записки охотника» Тургенева²⁶. Строгость цензуры особенно

увеличилась после 48 г., она стала просто инквизицией. Прежде можно было много писать — пример тому статьи Белинского и Искандера (Герцена).

11 января 1854 г. Последняя повесть Тургенева «Два приятеля», печатанная в «Современнике», очень мила²⁷. Он мне говорил, что он сомневается очень в ее достоинстве <...>

3 февраля 1854 г. Тургенев у сестры²⁸ в прошедшее воскресенье рассказывал свои впечатления во время 15 мая и 24 июня в Париже. Во время самой Февральской революции он был в Брюссели; то, что он рассказывал, было так интересно, что я постараюсь рассказать, как вспомню; жаль, что он сам не записал ничего. Он говорил, во-первых, что 15 мая никто не думал о возмущении: вторжение в палату было противно интересам и желаниям социалистов, по крайней мере предводителей: все сделалось как-то само собой, без предумышленности.

Уже недели за две до Июньского возмущения все ожидали его со дня на день, несмотря на это, все казались спокойны и веселы. Наконец, в первый день! возмущения прачка, принеся белье, рассказала Тургеневу, что строят баррикаду на boulevard St. Denis. Тургенев тотчас пошел туда (он сам жил на boulevard des Italiens), на бульварах толпа, веселость и беззаботность непомерная, магазины и лавки все открыты. Только уже не видно было экипажей по приближении к месту, где была баррикада. Тургенев подошел к тому месту, где стояла уже готовая баррикада, на ней блузники с ружьями и знаменами с надписями (la République démocratique et sociale ou la mort, Vive la république démocratique et sociale *). Окна всех домов кругом открыты и наполнены лицами любопытных, женщин, кормилиц с детьми etc. Тургенев подошел к самой баррикаде в числе многих, и блузники разговаривали с ними. Подошел отряд национальной гвардии, начальник отряда стал переговариваться с инсургентами, и те, которые стояли между отрядом и баррикадой, должны были отойти в сторону. Между тем шум разговоров вокруг все продолжался; начальник воротился к своему отряду, и вдруг раздался неизвестно откуда выстрел. Вспарилась мертвая тишина, и все окна затворились. Вдруг из окон дома, стоящего наискосок, раздался залп, и несколько человек национальных гвардейцев повалились. Тургенев и стоящие с ним побежали в соседнюю улицу, чтобы скрыться от выстрелов, и там вошли в какую-то комнату, где было уже несколько человек и, между прочим, один раненый прохожий; просили доктора, и Тургенев взялся побежать за одним доктором, который жил неподалеку. Надобно было пройти через двор фабрики, который с одной стороны отделялся от глухого переулка решеткой, а с другой — от соседней улицы стеной. Тургенев прошел через двор, но, открывая калитку, чтобы перейти через улицу, он услышал выстрелы и увидел уже, что отряд солдат (la ligne) берут небольшую баррикаду. Через три или четыре минуты баррикада была взята, и Тургенев перешел через улицу, на которой валялось несколько мертвых тел, и вошел к доктору, у которого уже было несколько раненых, но неопасно. Когда он воротился, уже прежняя баррикада была взята и на ней стоял уже отряд de la ligne. Все это продолжалось не более 20 минут. Тургенев пообедал, хотя неохотно, у ресторана и пошел ходить по улицам. Толпа была ужасная и по-прежнему все было беззаботно и весело. Между тем распространился слух, что инсургенты заняли весь город по ту сторону Сены. Тургенев отправился туда. Уже вечерело. (За несколько дней перед тем <?> входили

* Республика, демократическая и социальная, или смерть, Да здравствует демократическая и социальная республика (франц.).

войска.) Les quais * были покрыты войсками, которые расположились под открытым небом. Офицер, командующий постом на Pont Neuf, пропустил Тургенева. На той стороне моста блюзники помогли ему перейти через баррикаду, и он пустился ходить по улицам: везде баррикады, ночью воздвигнуты были 3000 баррикад, три баррикады в виде крепости, костры на площадях и на улицах, блюзники с ружьями. Множество любопытных приходило смотреть на лагерь инсургентов; это было как будто временем перемирия. Тургенев вошел в погребок (marchand de vin) на Place Maubert и потребовал вина; так как он был один не в блузе, то на него стали смотреть искоса, один блюзник подошел к нему с стаканом и сказал: Citoyen! Voulez-vous trinquer à la République démocratique et sociale?**, но другой перебил: Ne violentez point les opinions du citoyens; il n'a peut-être pas votre manière de voir ***. Блузники беспрестанно приходили с приказами, приказы отдавались шепотом, писались записки карандашом и отсылались. Тургенев, видя, что на него смотрят косо, принимают за гeас²⁹ или за лазутчика, вышел из погребка и так же беспрепятственно воротился домой. Тургенев плохо спал и на другой день чем свет был разбужен пальбой. День был превосходный, зной страшный, на улицах ни души ****.

4 февраля. Cavaignac запретил выходить на улицу, и каждому национальному гвардейцу приказано было стеречь дом, в котором он живет. Ставки, лавки везде закрыты. По пустынным улицам проходили только изредка отряды войска (национальной гвардии, garde mobile), пехоты с кавалерией, проезжали пушки, гремя по мостовой, фуры (ambulances) с ранеными, проскакивали адъютанты и ordonnances *****, покрытые пылью и кровью.

Тургенев говорил, что томительнее и ужаснее этого дня и двух следующих нельзя себе ничего вообразить. Издали беспрерывно раздавались раскаты ружейных залпов и пушечные выстрелы. Тургенев весь этот день ничего не ел, кроме куска хлеба и стакана вина, он беспрестанно только и делал, что ходил из комнаты на улицу, доходил до первого караульного и возвращался потом. Третий день был еще томительнее и ужаснее второго: все в доме были в ужасе, никто почти не спал ночи. Тургенев сошел поутру вниз, чтобы посмотреть на улицу. К нему подошел вдруг офицер национальной гвардии и спросил его трагическим тоном, почему он не исполняет долг гражданина и не находится в рядах национальной гвардии. Тургенев ответил, что он русский. — «Ah, vous êtes un agent russe, vous êtes venu ici pour exciter la discorde, la guerre civile, vous semez de l'or parmi les insurgés» *****. Тургенев сказал ему, что у него не было ни копейки. — «Pourquoi portez-vous ce costume (Тургенев, зная, что ему нельзя будет никуда пройти, был в кургузой куртке) — c'est pour pactiser avec les insurgés» *****. По приказанию его Тургенева тотчас окружили четыре национальных гвардейца, и офицер сказал: «A la mairie» *****. Mairie

* Набережные (франц.).

** Гражданин! Хотите чокнуться за демократическую и социальную республику? (франц.).

*** Не невольте гражданина; может быть, у него иной взгляд на вещи (франц.).

**** Запись 3 февраля прервана Васильчиковым на слове «зной», а окончание фразы дописано уже после даты «4 февраля». В этом и в других подобных случаях, встречающихся далее в тексте дневника, мы переносим окончание фразы в предыдущую запись.

***** ординарцы (франц.).

***** А, вы русский агент, вы явились сюда, чтобы возбуждать распри, гражданскую войну, вы раздаете деньги мятежникам (франц.).

***** Почему вы так одеты (...) — это для того, чтобы стакнуться с мятежниками (франц.).

***** В мэрию (франц.).

находилась неподалеку от того дома, где жил Тургенев, и каждые 5 или 10 минут оттуда слышались небольшие залпы: расстреливали пленных инсургентов. Тургенев: «Mais on fusille à la mairie?» * Офицер: «Propos d'insurgé» **. Его повели: к счастью, на пороге соседнего дома Тургенев встретил одну Mme Grille, которая знала его и которая была известна всему околотку: она заступилась за него, и Тургенев был только mis aux arrêts dans sa chambre ***.

5 февраля. Арест продолжался недолго, впрочем. На другой же день он мог по-прежнему свободно выходить. Четвертый день был еще ужаснее первых, пальба, особенно пушечная, была мучительна. Наконец, по улице проскакали усастьи ordonnance, крича направо и налево: «le faubourg est à nous!» ****. Что увеличивало ужас этого дня — это следующие друг после друга известия о смерти генерала Бреа, Negrées, архиепископа ³⁰ и, кроме этого, множество нелепых слухов, которые распространялись со всех сторон. Только на пятый или скорее на шестой день можно было снова ходить по улицам, и зрелище, особенно в faubourg St. Antoine, было ужасное: улицы, разрытые и облитые кровью, дома разрушенные, некоторые, например, Magasin à la petite Jeannette (если не ошибаюсь), пробитые насквозь, как кружево. Повсюду трофеи из блуз (?), фуражек, киверов, облитых кровью. Часть пленных инсургентов были посажены в погреб под Тюильери, там от ран, духоты, тесноты, сырости, недостатка пищи открылась между ними зараза. В страшных страданиях они проклинали и ругали своих победителей: их расстреляли всех через soupiraux ***** и решетчатые окна. Путешествуя вскоре после по Южной Франции, Тургенев ездил в дилижансе с военным хирургом, который казался грустен и мрачен, он сказал Тургеневу, что он не может еще оправиться от впечатления Июньских дней: полк, которому он принадлежал, брал баррикаду в улице Culture St. Jean. Солдаты схватили старика с ружьем и руками, черными от пороха, и не думая, чтоб он мог быть опасным, отпустили его; старик тотчас же вошел в соседний дом и из окна убил полковника. Солдаты, которые страстно любили своего начальника, поклялись перерезать всех живущих в этой улице. Более 38 женщин и детей были расстреляны тут: чтобы не попадать в своих, солдаты били прежде женщин прикладами по затылкам, а потом расстреливали их à bout portant ***** на полу. Тургенев уверял, что в эти дни было убито до 30 000 человек, это число, конечно, преувеличено, хотя, с другой стороны, едва ли можно верить счислениям французов ³¹.

15 февраля 1854 г. Третьего дня ³² Михаил Юрьевич Виельгорский попросил Тургенева рассказать ему свои воспоминания о Июньских днях. Он рассказал это с прибавлением некоторых подробностей.

16, 17 февраля. Он рассказывал, между прочим, что в одном доме с ним над его комнатою жил немецкий поэт Herwegh ***** (человек довольно известный, но который, как видно, не понравился Тургеневу) с женою (ур. Ziegmunt). Они ожидали 5-летнего сына, который должен был прибыть из Берлина с нянькой своей и должен был прибыть именно 22 или 25 июня, т. е. в самый разгар возмущения. Тургенев на третий день

* Но в мэрии расстреливают? (франц.).

** Выдумки мятежников (франц.).

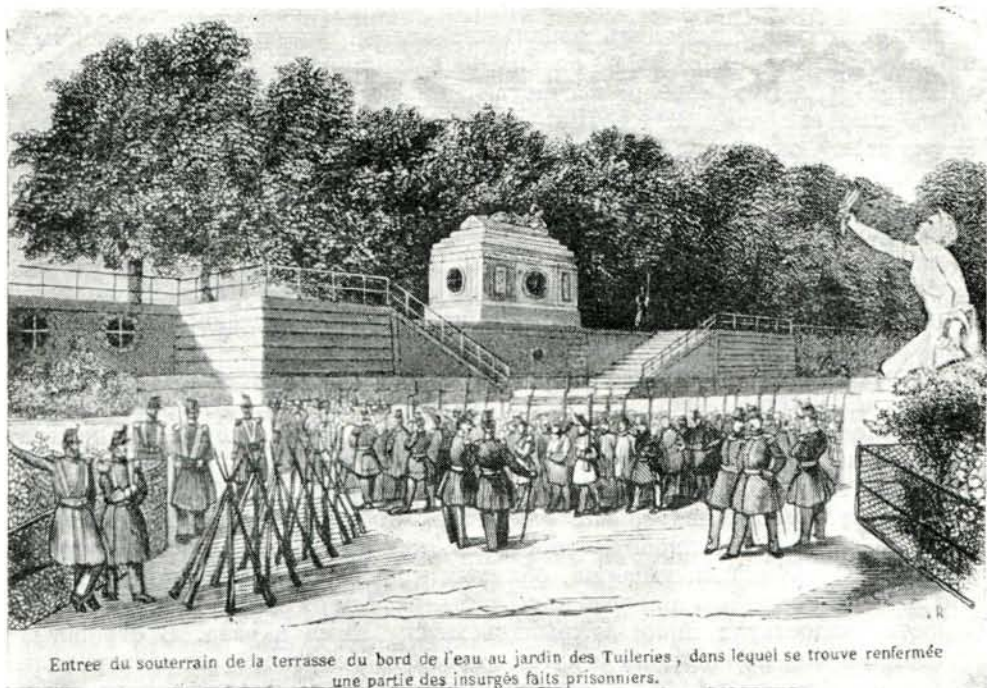
*** подвергнут домашнему аресту (франц.).

**** предместье в наших руках! (франц.).

***** отдушины (франц.).

***** в упор (франц.).

***** Здесь и далее в автографе: Herwick.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ

В Тюильрийском саду. У входа в подвал галереи, куда были брошены пленные повстанцы

Гравюра неизвестного художника

«L'Illustration», 8 июля 1848 г.

перестрелки зашел к Herwegh и нашел его в большом волнении по этому случаю. Вдруг слуга приходит весь дрожащий и бледный и объявляет, что блузник требует г-на Herwegh. Входит мрачная, свирепая фигура старика в грязном, засаленном платье, с длинными всклокоченными седыми волосами. Он пришел объявить Гервегу, что сын его приехал, что он помещен в таком-то доме возле *barrières* * (*la gare* ** *St. Denis* была в руках инсургентов). Старик этот прошел через часть города, занятую войсками, подвергаясь на каждом шагу опасности быть расстрелянным, для того чтобы известить Гервега, которого он никогда не видал, которого он считал врагом своим — *réas*, *aristo*, чтобы известить его о приезде сына. Он объявил, что возвратится тотчас же на баррикады и на вопросы и увещеванья Тургенева и Гервега он объявил, что он ищет только смерти, что он желает умереть, что ему нечем кормить себя и семейство. Он отказался от денег, и его насилу уговорили остаться до вечера и принять пищу. Девять генералов было убито в продолжение этих (?) дней. Жестокость с инсургентами надобно приписать тому страху, который они внушали всем буржуа и жителям Парижа. Они не были достойны этой жестокости: их били и резали и ссылали как разбойников без суда, а между тем они занимали половину города и не разграбили ни одного дома, а между тем они занимали *Quartier Latin*, в их руках были все *Collèges*, дети *tex aristo*, которые с ними обошлись так жестоко, и они не только не тронули их, но даже окружили их охранною стражею.

* заставы (франц.).

** вокзал (франц.).

18, 19, 20, 21, 22, 23 февраля. Поутру³³ ездил слушать чтение у Виельгорских. Тургенев читал «Постоялый двор», повесть уже известную мне, но которую я тем не менее прослушал еще в другой раз с большим удовольствием <...>

Теперь вот мои memoranda *, во-первых, окончу рассказы Тургенева.

Инсургенты Июньских дней дрались за исполнение несбыточной мечты; многие без надежды на успех, а с намерением только умереть, потому что им нечем было жить, потому что они видели, что те, которые до 24 февраля сулили им права и богатство, не исполняли обещания. Они жаловались на то, что их обманывали, и их в самом деле жестоко обманули. Herwegh нашел потом сына своего в определенном месте у одной женщины, все родственники которой, за исключением ребенка, были убиты. Тургенев был в Париже во время избрания Людовика Наполеона. Тургеневу любопытно <было> следить за тем, как влияние этого человека мало-помалу возрастало. Тургенев говорил, как он в первый <раз> увидел первые попытки Людовика Наполеона приобрести народность: какой-то французский Dulcamara³⁴ продавал на boulevard различную дрянь и между прочим раздавал всем окружающим даром брошюрки о Людовике Наполеоне

* записки для памяти (лат.).

L'ILLUSTRATION, JOURNAL UNIVERSEL.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ

Обыск «подозрительных» граждан на парижских улицах

Гравюра Э. Форе

«L'Illustration», 8 июля 1848 г.

(это было в начале июня 48 г.), потом разные подпущенные группы собирались вокруг Вандомской колонны и толковали о Людовике Наполеоне. Потом собирались на улице небольшие толпы, кричали *Vive Napoléon, vive l'Empereur* *, раздавался неизвестно откуда пистолетный выстрел, приходила национальная гвардия, и все рассеивалось. Чтобы иметь средства для всего этого, Людовик Наполеон сначала занял у Парижа 12 миллионов (английское правительство гарантировало заем), потом у Фульда ³⁵ 4 миллиона. Никто не думал, что он будет избран президентом. Накануне получения известия об его избрании секретарь при французской миссии Ferrière (Le Flot был тогда французским посланником) объявлял всем у Виельгорских, *que l'élection du général Cavaignac est assurée* **. Избранный президентом, и даже до избрания, Людовик Наполеон окружил себя толпою пьяных оборвышей à figures patibulaires ***, вооруженных палками, которые постоянно его окружали. Когда Людовик Наполеон, только что избранный, делал смотр национальной гвардии, вся эта когорта, пьяная, шатаясь на ногах, толкая всех, испуская запах дешевого вина, бежала за ним, крича: «*Vive l'Empereur*». Национальная гвардия стояла безмолвною. Champgarnier ³⁶ сказал в этот день: *Il m'est aussi facile de faire un empereur que de m'acheter un sac de pralines* ****. Вся эта пьяная когорта (les Ellyséens, les Décembristes) окружала постоянно Elysée Bourbon, крича *Vive l'Empereur* и оскорбляя прохожих. Тургенев рассказывал, что, проходя раз с Герценом, один из Ellyséens сказал другому: *C'est parce que ces gredins là sont des républicains, qu'ils ne crieront pas «Vive l'Empereur»* *****. И потом грубым голосом потребовал у них, чтобы они кричали «*Vive l'Empereur!*» Герцен отвечал, что он русский, но что если <бы> он даже был француз, он не стал бы кричать для такого пошляка и подлеца, как Людовик Наполеон. Они едва успели убежать от пьяной ватаги, которая бросилась было на них.

27 февраля 1854 г. Вот как ценят и уважают тут русскую литературу. Накануне отъезда сестры (Черкасской) мы обедали все вместе у Кушелева ³⁷. У него в кабинете висит портрет, писанный Dowe ³⁸, портрет, замечательный странным выражением глаз. Сестра Баранова заметила, что эта картина напоминает «Портрет» Гоголя. — «Как, вы читали Гоголя?» — сказал Кушелев с удивлением; и на утвердительный ответ он прибавил, что он этому удивляется, что он не понимает, как можно читать Гоголя, что он писал сальности для лакеев, что он сам хвастает тем, что он не читал Гоголя. Это еще ничего. Кушелев глуп, как сивый мерин; но когда гр. А. Толстой ходил к гр. Орлову хлопотать о Тургеневе, который пострадал за статью о Гоголе, гр. Орлов сначала спросил: какой Гоголь? а потом прибавил: «*Sâchez qu'aucun homme comme il faut ne lit Gogol*» *****.

12 мая 1854 г. Какой-то, вероятно, из наших эмигрантов (Герцен?) в одной французской «*Revue*» написал, что из наших писателей тот, кто с большею очевидностью и ясностью выставил ошибки правительства, это Ив. Тургенев ³⁹. Бедный Тургенев и без того уже раз невинно пострадал, вот и другая беда к нему привалила.

* Да здравствует Наполеон, да здравствует император (франц.).

** что избрание генерала Кавеньяка обеспечено (франц.).

*** разбойничьего вида (франц.).

**** Мне так же легко сделать императора, как купить фунт конфет (франц.).

***** Эти негодяи не будут кричать «Да здравствует император», потому что они республиканцы (франц.).

***** «Знайте, что ни один порядочный человек не читает Гоголя» (франц.).

18 июня 1854 г. Ездил с Тургеневым, с Некрасовым, с Панаевым и его женой на Красную Горку смотреть вражды суда, которые стояли против этого места, мы провели там целый день ⁴⁰.

20 января 1855 г. Тургенев говорил мне когда-то, что он одно время вздумал описывать сны свои поутру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. заметку «Князья и дворяне Васильчиковы». — «Всемирная иллюстрация», 1878, № 471, 14 января, раздел «Генеалогия и геральдика», стр. 50.

² «Московские ведомости», 1855, № 115, 20 сентября.

³ Имя П. А. Васильчикова не значится в адрес-календарях на 1853—1855 гг., но в письмах к матери он упоминает о своей службе в губернском правлении, а из дневника видно, что Васильчиков исполняет различные поручения вице-губернатора (п. VI, ед. хр. 34, л. I об. и п. I, ед. хр. 2, л. 131 об.).

⁴ ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 552.

⁵ Герцен АН, т. II, стр. 218.

⁶ В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1931, стр. 404 и 413.

⁷ Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1961, стр. 114.

⁸ Здесь и далее даты дневниковых записей приводятся по старому стилю.

⁹ Мазон, р. 81.

¹⁰ «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 132—133. — Островская относит этот разговор с Тургеневым к 1876 году. Судя по упоминанию о только что написанном стихотворении «Крокет в Виндзоре», которое датировано 20 июля/1 августа 1876 г., встреча произошла в этот же или на следующий день; Тургенев и Островские вместе ехали до Берлина, а 25 июля/6 августа Тургенев уже был в Буживале («Летопись», стр. 249).

¹¹ Е. М. Феокистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, стр. 1.

¹² Очевидно, речь идет об Эммануиле Дмитриевиче Нарышкине (1813—1902).

¹³ Вероятно, Софья Васильевна Оболенская, жена Б. В. Мецкерского.

¹⁴ Михаил Андреевич Рыбинин (1814—1867); в литературе у Тургенева имя его неизвестно; упоминается в переписке Ф. И. и Э. Ф. Тютчевых как знакомый Карамзиных и Виельгорских (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 401 и 402).

¹⁵ Юрий Васильевич Толстой (1824—1878) — впоследствии историк и политический деятель, который занимал в эти годы должность правителя Особенной канцелярии министра внутренних дел.

¹⁶ Дмитрий Николаевич Лонгинов (1820—1878) — брат М. Н. Лонгинова, следовавший бюрократическую карьеру; в 1853—1854 гг. состоял чиновником особых поручений VI класса при Особой канцелярии Министерства иностранных дел.

¹⁷ Суждение о Гоголе как о «лакейском писателе», высказанное М. Н. Мусиным-Пушкиным, попечителем Петербургского учебного округа и председателем Петербургского цензурного комитета (1845—1856), Тургенев передает в письме к В. П. Боткину от 3/15 марта 1852 г.; ср. запись в дневнике А. В. Никитенко от 20 апреля/2 мая 1852 г. (А. В. Никитенко. Дневник, т. I, Л., Гослитиздат, 1955, стр. 351).

¹⁸ История публикации «Письма из Петербурга» Тургенева, последующего ареста и ссылки писателя прослеживается по его письмам 1852—1853 гг. (см. также Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959: стр. 246—296; там же — литература вопроса).

Вмешательство в. к. Александра Николаевича было вызвано неоднократным обращением к нему Тургенева (Тург. АН. Письма, т. II, стр. 381—384 и 635—637). За Тургенева активно хлопотал В. И. Назимов (1802—1874), попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета в 1849—1855 гг. (см. «Тургеневский сборник», II. М.—Л., 1966, стр. 226—248).

¹⁹ Описка Васильчикова или ошибка памяти Виельгорского: из писем и воспоминаний современников известно, что первое чтение «Ревизора» произошло у Жуковского 18 января 1836 г. (см. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19 января 1836 г. — «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III, ч. 1, СПб., 1899, стр. 284—285, а также: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 65).

²⁰ Александр Николаевич Голицын (1773—1844) — сенатор, член Государственного совета, министр духовных дел и народного просвещения, был доверенным лицом Александра I.

Подобный, но более короткий и менее выразительный рассказ опубликован М. И. Семеновским, неизвестно с чьих слов, в «Русской старине», 1874, № 8, стр. 786 (в разделе «Листы из записной книжки „Русской старины“»).

²¹ Эта встреча произошла 27 декабря, так как выше Васильчиков упоминает о том, что в этот день видел Рашель в «Андромаше».

²² Имеются в виду «Подражания Корану», от которых Тургенев приходил в восторг, перечитывая их осенью 1853 г. (Тург. АН. Письма, т. II, стр. 180 и 206—207).

²³ Под таким названием в посмертном издании сочинений Пушкина было опубликовано Жуковским стихотворение «Странник» (т. IX. СПб., 1841, стр. 183—186).

²⁴ Ср. в письме Тургенева к П. Виардо 21 февраля/4 марта 1852 г. слова о Гоголе: «Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».

²⁵ Менее чем через пять лет «Записки» Екатерины II были напечатаны в лондонской типографии Герцена по копии, доставленной ему П. И. Бартевым, — она была снята с экземпляра, хранившегося в императорском архиве (см.: Герцен АН, т. XIII, стр. 378 и 591—592, а также Л. Б. Светлов. Из разысканий о деятельности А. И. Герцена. 1. А. И. Герцен и П. И. Бартев. — «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. VIII, 1951, вып. 6, стр. 542—544).

²⁶ См. об этом в указанной выше статье Ю. Г. Оксмана.

²⁷ Повесть «Два приятеля» была опубликована в январской книжке «Современника» 1854 г.

²⁸ Очевидно, речь идет о сестре Васильчикова — Анне Алексеевне, жене П. Т. Баранова, жившей постоянно в Петербурге. Следует заметить, однако, что и вторая сестра Васильчикова, Екатерина Алексеевна, жена В. А. Черкасского, за несколько дней до этого приехала с мужем из Москвы.

²⁹ Ср. письмо Тургенева к Герцену от 5/17 мая 1867 г.: «... ведь и тебя партия молодых рефюжизе пожаловала в остальные и в реакии».

³⁰ Генералы Ж. Б. Ф. Бреа и Ф. М. Негрие командовали дивизиями, брошенными на подавление восстания в предместьях Сен-Марсель и Сент-Антуан; оба убиты 25 июня 1848 г. В тот же день был смертельно ранен в неожиданной перестрелке парижский архиепископ Аффр, обратившийся на площади Бастилии к сражавшимся на баррикадах с увещанием сложить оружие.

³¹ По отчету парижского префекта полиции общее число погибших не превышало полутора тысяч, в то время как по данным английской печати оно доходило до 50 000 (см. Даниэль Стерн. История революции 1848 года, т. II. СПб., 1907, стр. 365).

³² Очевидно, 13 февраля: запись помечена числами 13, 14, 15 февраля, то есть Васильчиков 15-го записывает впечатления трех дней. Перед словами «Третьего дня» зачеркнуто ошибочное: «Вчера».

³³ Вероятно, 18 февраля.

³⁴ Дулькамара — персонаж из оперы Г. Доницетти «Любовный напиток», ярмарочный шарлатан.

³⁵ Банкир Ахилл Фумьд, один из активных сторонников Луи Наполеона, занял после его избрания место министра финансов; он оказывал крупные услуги президенту, неоднократно добываясь у Национального собрания увеличения кредита на его предствительство.

³⁶ Генерал Н. А. Т. Шангарнье был назначен 1 июля 1848 г. командующим национальной гвардией и в последующие годы подавлял все попытки восстаний, способствуя, таким образом, укреплению президента.

³⁷ Александр Григорьевич Кушелев (по материнской линии Безбородко; 1800—1855) — камергер, сенатор, с 1850 г. государственный контролер. Оценка им Гоголя как «лакейского» писателя, отражая общую позицию русских правящих верхов, носила тем более демонстративный характер, что Кушелев был почитателем Нежинского лица и почетным членом Академии наук.

³⁸ Джордж Дау (Dowe, 1781—1829) — английский художник, работавший в жанрах исторической и портретной живописи. В 1819—1828 гг. жил в Петербурге, где создал множество портретов.

³⁹ Несомненно имеется в виду известный отзыв о «Записках охотника» в книге Герцена «О развитии революционных идей в России» (Герцен АН, т. VII, стр. 228). Васильчиков допускает неточность: работа Герцена появилась по-французски не в журнале, а отдельными изданиями — в 1851 и 1853 гг.

⁴⁰ Английская эскадра вошла в Финский залив в марте 1854 г., однако не предпринимала никаких крупных операций. В июле к ней присоединилась французская эскадра. В октябре обе эскадры покинули Балтийское море.

М. К. Клеман в «Летописи» (стр. 73) датировал эту поездку на Красную горку лишь приблизительно, началом июля 1854 г., основываясь на письме И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 10 июля 1854 г.: «Некрасов расскажет тебе о нашей поездке на Красную горку<...> Мы ездили — я, Тургенев, Некрасов, моя жена и Васильчиков» (последний был ошибочно принят публикатором письма Панаева за публициста Александра Илларионовича Васильчикова. — «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пг., 1922, стр. 214—215).